

Алла НИКИТИНА

## Политика и политология

На первый взгляд может показаться, что как различия между политикой и политологией, так и взаимоотношения между ними не составляют никакой проблемы. Вроде бы сами слова ясно говорят о том, что первый элемент, рассматриваемый в контексте этой пары, представляет собой некий объект, тогда как второй — познание этого объекта и, соответственно, знание о нем, точнее сказать, его научное исследование, науку о нем.

Однако при более внимательном рассмотрении ситуация оказывается далеко не такой простой. Начать с того, что в западных (и особенно англоязычных) странах в названиях учебных и научных учреждений данного профиля, а также в специальной литературе указанная пара зачастую попросту отсутствует, во всяком случае не получает терминологического выражения; «академическую дисциплину, которую мы называем политологией, англичане и американцы продолжают упорно именовать политикой»<sup>1</sup>. В этих случаях, как говорит Р. Арон, «одно и то же слово характеризует одновременно действительность и наше ее осознание. О политике говорят, чтобы обозначить и конфликт между партиями, и осознание этого конфликта... Политика — одновременно и сфера отношений в обществе, и наше ее познание...»<sup>2</sup>.

Существуют и другие, может быть, не столь бросающиеся в глаза, однако не менее серьезные признаки неразличения понятия «политика» и «политология». Достаточно назвать такие широко распространенные, в том числе среди профессионалов, выражения, как «политическая наука» и «политическая теория». Свое основное политологическое сочинение М. Дюверже первоначально назвал «Методы политической науки»<sup>3</sup>. А на титуле одного из наиболее солидных современных учебников по политологии значится «Внутренняя политика и политическая теория»<sup>4</sup>. Выражение «политическая наука» некорректно в тех случаях, когда в него вкладывают смысл «политика как наука». И таких случаев большинство. Правда, иногда под ним понимают и нечто существенно иное, а именно «наука о политике». В таком виде это выражение вполне корректно и имеет право на существование. Что же касается словосочетания «политическая теория», для него нет и таких спасительных частных случаев, оно, так сказать, тотально некорректно.

Как известно, мир духовной культуры включает в себя ряд качественно

<sup>1</sup> И л ь и н М. В. Политика как предмет изучения, состав политологии и методы основных политологических дисциплин. М., 1994.

<sup>2</sup> А р о н Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993, с. 22.

<sup>3</sup> D u v e r g e r М. Methodes de la science politique. Paris, 1959-

<sup>4</sup> B h g e t С., G a n n W., K r o n e n w e t t E. Innenpolitik und politische Theorie. Darmstadt, 1988.

Н и к и т и н а А. Г. — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института сравнительной политологии и проблем рабочего движения.

различных типов этой культуры, форм духовной деятельности. Таковы религия, философия, искусство, наука, право, мораль, политика. Каждая из них играет свою, вполне определенную роль как в мире духовной культуры, так и в мире человеческого бытия в целом. Так, наука (в идеале или, если воспользоваться терминологией Гегеля, в соответствии со своим понятием) выполняет познавательную, и только познавательную функцию (правда, познание по-своему осуществляют также и религия, и философия, однако для каждой из них эта функция не является единственной). Что же касается политики, если опять-таки исходить из содержания понятия, она призвана решать совсем другую задачу, а именно задачу регулирования отношений между людьми (эту же функцию осуществляют также право и мораль, но у нас здесь нет ни возможности, ни необходимости выяснять их отличие от политики). Из сказанного ясно, что квалификация политики в качестве науки лишена каких-либо оснований. Конечно, в политике всегда с необходимостью используются те или иные знания, результаты той или иной формы познавательной деятельности, будь то обыденная, религиозная, философская или научная. Но это никоим образом не превращает саму политику в знание и познание. В частности, от того, что некий политик пользуется данными какой-либо науки при определении стратегии своих будущих действий, он отнюдь не становится ученым, а эти данные — политическими.

Аналогичным образом обстоит дело с теорией. В обыденной жизни это слово используется в различных смыслах. Но здесь уместно обращение к тому строгому смыслу данного слова, который разработан и ныне практически общепризнан в методологии и логике науки. Теория понимается как центральная часть большинства наук, как система определенным образом связанных между собой общих научных положений — законов и принципов. Таким образом, и выражение «политическая теория» лишено смысла. Другое дело, если говорить о политологической теории, ведь политология — это наука, во всяком случае становящаяся наука, и с этим утверждением как будто бы согласны все.

Прежде чем продолжить нашу основную тему, необходимо выяснить, к какой категории наук принадлежит политология. Из всех существующих методологических классификаций научного знания самая общая, на наш взгляд, связана с различением наук идеографических и номотетических. Первые (например историография) заняты исключительно познанием единичных явлений как таковых, вторые (например физика, химия, биология), напротив, имеют целью открытие общих законов (теорий) и анализируют единичные явления только ради достижения этой цели<sup>5</sup>. Вряд ли есть необходимость доказывать, что политология не принадлежит к разряду идеографических наук, ведь в ней предпринимаются попытки формулировать общие положения — законы и их системы (теории).

Далее, номотетические науки, в свою очередь, разделяют на эмпирические и

<sup>5</sup> Это различие, введенное неокантианцами В. Виндельбаном и Г. Риккертом и позднее принятое во всем цивилизованном мире как нечто само собой разумеющееся, советской философией категорически отвергалось. При этом главный аргумент был примерно таким. Буржуазные философы относят историографию к числу идеографических наук потому, что они отрицают существование законов человеческой истории, законов социального развития, и делается это из классово-идеологических соображений — из стремления доказать вечность и неизблемость капиталистического строя. Однако в основе этой «аргументации» лежит явное недоразумение. Из того, что историография не ставит своей целью открытие законов общества, совсем не следует, будто таких законов нет (из этого следует лишь то, что данная наука вызвана к жизни необходимо присущим человеку специфическим познавательным интересом — интересом к тому, как выглядели исторические события в их абсолютной уникальности и неповторимости). Иными словами, хотя авторы данной классификации и их последователи при разговоре об идеографических науках в качестве примера действительно обычно называют историографию, это не означает ни того, что она является единственной формой научного знания об обществе, ни того, что все формы такого знания идеографичны. Общеизвестно существование многочисленных номотетических социальных наук. Таковы, например, социология, экономика, демография. Они изучают законы общества и в том числе законы его развития, причем особое внимание уделяют как раз изменениям *современного* общества — от мелких, постепенных перемен до крупномасштабных и стремительных (например преобразованию индустриального общества в постиндустриальное).

чистые. К последним относятся, например, математика и символическая логика, к первым — физика, химия, биология, социология, психология и т. п. — вообще науки, в которых теоретическая деятельность по формулированию законов и теорий необходимо предполагает эмпирическую деятельность по наблюдению, экспериментальному исследованию, измерению, описанию единичных объектов. Если согласиться с этой классификацией<sup>6</sup>, естественно приходишь к необходимости зачислить политологию в разряд эмпирических наук.

Ограничимся рассмотрением новоевропейских (характерных для Нового и Новейшего времени) политики и политологии. Родоначальником этой политологии принято считать Н. Макиавелли. Тем самым ее появление на свет датируется концом XV — началом XVI века. Новая форма политологии возникает в связи с необходимостью осмысления и оказания помощи новому типу политики. Я имею в виду политику, базирующуюся на новоевропейской разновидности демократии. А «первые ласточки» этой демократии появляются именно в данное время и именно в Италии в виде городов-республик, среди которых далеко не последнее место занимала родина Макиавелли Флоренция.

Вышесказанное приводит нас к несколько неожиданному выводу: эмпирический метод проник в обществоведение раньше, чем в естествознание. Ведь традиционно историю эмпирической науки было принято отсчитывать от «Бесед» Галилея (вышли в свет в 1638 году), где впервые излагались начала двух физических наук — механики и оптики. Сочинения же Макиавелли были созданы почти на полтора столетия раньше. Правда, если галилеевские «Беседы» знаменуют рождение физики, в сочинениях Макиавелли присутствуют лишь зачатки новоевропейской политологии, и в дальнейшем ей предстоит пройти долгий процесс внутриутробного развития, который, строго говоря, не закончился и до сих пор.

\* \* \*

Я затрону лишь одну из многочисленных проблем, которые обычно рассматривают в связи с Макиавелли, но зато она принадлежит к числу важнейших проблем истории политологии.

У Макиавелли есть два основных политологических сочинения, причем в одном — в «Рассуждениях на первую декаду Тита Ливия» (1531) — анализируется (и к тому же с нескрываемой симпатией) республиканский строй, а в другом — в «Государе» (1532), написанном почти одновременно с «Рассуждениями», — монархический строй (и опять-таки с симпатией). В связи с этим Макиавелли на протяжении вот уже почти половины тысячелетия упрекают в политической беспринципности.

Правда, упрекают не все. Некоторые, напротив, всемерно его одобряют, настаивая на том, что Макиавелли здесь выступает в основном или даже исключительно как ученый-политолог, а ученый может и даже обязан исследовать все разновидности интересующих его объектов, независимо от того, симпатичны ему эти разновидности или нет. Ф. Бэкон так сформулировал эту максиму: «Что же касается низких и даже непристойных вещей, о которых, как сказал Плиний, можно говорить, лишь предварительно испросив позволения, то и эти вещи должны быть приняты в естественной истории (читай «в науке»). — А. Н.) не менее, чем прекраснейшие и драгоценнейшие... Ведь солнце одинаково проникает и во дворец, и в клоаки и все же не оскверняется... то, что достойно для бытия, достойно и для познания, которое есть изображение бытия»<sup>7</sup>. И это верно. Настоящий политолог с той же объективностью исследует проявления зла в человеческих деяниях, что и проявления добра. «Поэтому нам есть за что благо-

<sup>6</sup> Существует, хотя и не очень широко распространен, взгляд, согласно которому в чистых науках есть своя (пусть и очень своеобразная) эмпирия и потому данная классификация не является вполне строгой. Я склонна считать этот взгляд ошибочным.

<sup>7</sup> Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1972, с. 73.

дарить Макиавелли и других авторов такого же рода, которые открыто и прямо рассказывают о том, как обычно поступают люди, а не о том, как они должны поступать»<sup>8</sup>.

Однако по отношению к Макиавелли эти доводы не могут быть применены в полной мере. Он был отнюдь не только ученым. Больше того, он был прежде всего политиком и лишь во вторую очередь — политологом. Он был политиком, так сказать, с младых ногтей. «Настоящею школою Никколо была флорентийская улица, этот удивительный организм, где формировалось столько больших умов. Дома он чихал древних и Данте. Бродя по улице, получал среднее и высшее образование. И проходил курс политики. Ибо в Италии, а значит, и во всем мире не было города, где политику можно было бы изучать с большим успехом. У венецианцев опыта и умения политически рассуждать было, конечно, не меньше. Но в Венеции политика была уделом немногих: для большинства она находилась под строжайшим запретом. Во Флоренции политиками были все... Политика пропитывала всё. Макиавелли ею опьянялся»<sup>9</sup>. Еще больше он опьянялся ею на протяжении тех четырнадцати с лишним лет, когда он был «флорентийским секретарем» (канцлером второй канцелярии Синьории Флорентийской республики и канцлером-секретарем Совета десяти).

Исходя из чисто формальных соображений о том, какой пост занимал Макиавелли, иногда говорят, что он не принадлежал к числу «людей, делающих политику», а лишь поставлял для них информацию и выполнял принятые ими решения. На самом же деле все было существенно иначе. Глава Флорентийской республики («гонфалоньер справедливости») Пьеро Содерини «был хорошим оратором, но не обладал ни крупными дарованиями, ни особой энергией... Вскоре Макиавелли приобрел неограниченное доверие Содерини, стал его постоянным советчиком и фактически правой рукой. Так, будущий автор «Государя» стал «государем» своей республики, ее первым умом, и оставался им в течение десяти лет»<sup>10</sup>.

Но, пожалуй, наиболее сильное влечение к политике он испытывал в то время, когда после реставрации Медичи был освобожден от всех постов и сослан в родовое поместье. В эти годы Макиавелли предпринимает отчаянные попытки вернуться к политической деятельности, униженно просит власть имущих предоставить ему хоть какую-нибудь государственную должность, однако все оказывается безрезультатным. Но нет худа без добра: именно в этот период он пишет все свои крупные произведения (политические, исторические и художественные). Очевидно, что эта бурная литературная деятельность была для него определенной компенсацией так не достававшей ему реальной политической работы, своеобразным продолжением политики иными средствами.

Мы берем на себя смелость утверждать, что и в «Рассуждениях», и в «Государе» Макиавелли выступает по преимуществу как политик, что эти трактаты излагают в основном собственно политическую концепцию автора и в гораздо меньшей мере — его политологическую теорию: характерно, что Макиавелли не просто описывает республику и монархию, он уделяет много внимания их оценке и рекомендациям относительно того, что в том и в другом случаях должны делать политики, чтобы преуспеть в своей деятельности.

Вот как он оценивает республиканский строй в своих «Рассуждениях»: «Республика имеет больше жизненных элементов и пользуется дольше счастьем, чем

<sup>8</sup> Бэкон Ф. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1971, с. 420. Ср.: «Хотя Возрождение не дало ни одного значительного теоретического философа, в области политической философии оно дало одного исключительно выдающегося мыслителя — Никколо Макиавелли. При имени его обычно приходят в ужас, и порой он действительно ужасает. Но эту участь разделили бы многие другие, если бы они были так же свободны от фальши, как Макиавелли. Его политическая философия носит научный эмпирический характер...» (Рассел Б. История западной философии. М., 1959, с. 523).

<sup>9</sup> Дживеллегов А. К. Никколо Макиавелли. В кн. Макиавелли Н. Сочинения. Т. М.—Л., 1934, с. 23—24.

<sup>10</sup> Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Никколо Макиавелли. В кн. Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973, с. 357.

монархия, так как она, имея граждан различного характера, может лучше приспособляться к различным обстоятельствам времени, чем государь»<sup>11</sup>. Да и в тех случаях, когда народ живет в условиях монархии, симпатии Макиавелли остаются на стороне народа: «Государь, имеющий возможность делать все, что ему вздумается, превращается в бешеного самодура, а народ, могущий делать, что хочет, только неразумен. Поэтому, если сравнить государя и народ, связанных законами, видишь, что народ лучше; точно так же и не связанный законами народ реже впадает в ошибки, чем государь; сами ошибки его меньше, и средств к их исправлению больше. Это потому, что распушенный и бунтующий народ легко может поддаться уговорам хорошего человека и возвратиться на правильный путь, а с государем дурным никто не может говорить, и против него нет никакого средства, кроме железа»<sup>12</sup>. В сущности смысл «Рассуждений» сводится к набору оценок республиканского строя и рекомендаций народу относительно того, как ему управлять со своим государством (а в случае монархии — с государем).

Смысл «Государя», напротив, сводится к набору оценок монархического строя и рекомендаций государю, как ему вести свою политику, в частности, как ему управляться с народом. При чтении трактата иногда может создаваться впечатление, будто Макиавелли призывает монархов любить своих подданных. Да, он говорит, что государь должен отдавать предпочтение народу, а не знати, «так как у народа более честная цель»<sup>13</sup>. Да, он многократно призывает государей «быть в дружбе с народом»<sup>14</sup>, во всяком случае «не навлекать на себя ненависти и презрения подданных»<sup>15</sup>. Но все это вызвано не любовью к народу и не стремлением привить ее государям, а соображениями сугубо политического свойства: «государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут»<sup>16</sup>, иначе ему не избежать заговоров<sup>17</sup>, иначе на подмогу недовольному народу «всегда явятся чужеземцы» и тогда государя не спасут никакие крепости<sup>18</sup>.

И уж совсем ни о какой любви к народу не может быть и речи, когда мы читаем рекомендации монархам относительно того, как им управляться с народами покоряемых ими стран. Наиболее впечатляющим здесь, несомненно, является совет, даваемый на тот случай, когда такой страной оказывается республика. «Если... завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы», то лучший способ удержать его — разрушить, «ибо в действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнув его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит. Там всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благоденствия новой власти. Что ни делай, как ни старайся, но если не разъединить и не рассеять жителей города, они никогда не забудут ни прежней свободы, ни прежних порядков и при первом удобном случае попытаются их возродить...»<sup>19</sup>.

Так, значит, правы те, кто обвиняют Макиавелли в политической беспринципности? Нет. Забегая вперед, скажем, что он проявил в данном случае столь необходимое всякому настоящему политику качество, которое именуется гибкостью и конкретностью мышления и которое необходимо четко отличать от беспринципности.

Макиавелли был и до конца дней своих оставался убежденным республиканцем. Но, увидев самым непосредственным образом, сколь непрочной является республика, установленная на крошечной территории, сколь беззащитна она перед лицом гигантских монархических соседей (Испании, Франции, Германии), как, впрочем, и перед лицом таких же маленьких государств и даже просто внутренних

<sup>11</sup> Макиавелли Н. Государь. Рассуждения на первую декаду Тита Ливия. СПб., 1869, с. 405.

<sup>12</sup> Там же, с. 257.

<sup>13</sup> Макиавелли Н. Избранные сочинения. М., 1982, с. 329.

<sup>14</sup> Там же, с. 330.

<sup>15</sup> Там же, с. 354.

<sup>16</sup> Там же, с. 330.

<sup>17</sup> Там же, с. 354.

<sup>18</sup> Там же, с. 364—365.

<sup>19</sup> Там же, с. 314.

врагов, испытав горечь поражения в самом буквальном смысле на собственной шкуре (Макиавелли заподозрили в заговоре против Медичи и пытали плетью), он, конечно же, пришел, не мог не прийти к выводу, что жизнеспособной республика может быть лишь в масштабах Италии в целом. Не случайно «Государь» завершается главой, которая явно выбивается из содержания и даже литературного стиля всего трактата и представляет собой пламенное воззвание к объединению Италии.

При этом, хорошо зная состояние итальянских городов-государств и их далеко не всегда миролюбивое отношение друг к другу, Макиавелли пришел к твердому убеждению, что единственным средством их объединения может быть покорение их военной силой, руководимой властным, решительным (пусть даже жестоким) монархом. На роль такого монарха он прочил тогдашнего правителя Флоренции Лоренцо Медичи, которому он посвятил своего «Государя» и к которому совершенно недвусмысленно обращается в последней главе. Тем самым монархия была для Макиавелли лишь средством достижения основной цели, своего рода неизбежным злом. Правда, не очень понятно, как он представлял себе переход от монархической Италии к республиканской.

\* \* \*

Итак, прошли пять столетий. Однако и ныне еще нельзя сказать, что политология превратилась в самостоятельную эмпирическую науку. Это выражается в двух обстоятельствах. Во-первых, в том, что «политология — наука о мире политического тесно переплетается с историей, особенно с историей политических учений, государствоведением и экономическими дисциплинами, социологией и др.»<sup>20</sup>. Во-вторых, в том, что она часто подвергается воздействиям, далеко не всегда способствующим объективности исследований и, как правило, не осознаваемым самим ученым.

Сначала — несколько слов о первом обстоятельстве. Конечно, для обретения своей научной полновесности и эффективности политология должна отпочковаться от других наук. Однако вопрос здесь не столь широк, а главное не столь одинаков во всех частных случаях, как это иногда представляется. Так, если исходить из более или менее общепринятого понимания социологии, ее можно кратко охарактеризовать как эмпирическую науку о формах и законах социального бытия. Если же аналогичным образом поступить с политологией, ее можно назвать эмпирической наукой о формах и законах политического бытия. Но поскольку последнее бытие — и в этом вряд ли у кого могут возникнуть сомнения — является частью первого, постольку вполне естествен вывод, что политология — часть социологии. В этом смысле здесь никакое отпочкование в принципе невозможно, как, скажем, невозможно отпочкование механики от физики<sup>21</sup>. Другое дело, что сохраняется проблема четкого отграничения политологии от других дисциплин, существующих в рамках социологии.

По-своему облегчается (а возможно, и просто снимается) вопрос об отпочковании политологии от историографии. Будучи эмпирической наукой, политология с необходимостью должна иметь дело с эмпирическим знанием. Это знание она может добывать сама с помощью собственных методов опытного исследования (в сущности именно это делал Макиавелли в годы своего секретарства)<sup>22</sup>, но может заимствовать и у других наук об обществе, прежде всего у историографии («прежде всего» — потому что, как уже говорилось, историография всегда изучает единичные объекты, но точно тем же самым всегда занято и эмпирическое исследование).

Впрочем, существует и своего рода синтетический вариант, когда проводимые политологом опытные исследования являются по своему характеру

<sup>20</sup> Г а д ж и е в К. С. Политическая наука. М., 1994, с. 5.

<sup>21</sup> Поэтому, на наш взгляд, совершенно правомерно то, что фундаментальные исследования по политологии нередко обозначаются как труды по «политической социологии» (см., например, D o u s e R., Н и g h e s L. Political Sociology. London, 1972; S c h w a r t z e n b e r g R. - J. Sociologie politique, 1977).

<sup>22</sup> В эти годы он написал огромное количество (несколько тысяч) различных докладов, отчетов, аналитических записок с описанием и оценкой многочисленных конкретных политических явлений, свидетелем которых он был как в самой Флоренции, так и в иных государствах, где он много раз бывал, выполняя дипломатические поручения правителей республики.

историографическими. Правда, он должен постоянно помнить, что все это имеет значение лишь как подготовка материала для его будущих номотетических (теоретических) изысканий, ибо при забвении этого и превращении таких эмпирико-историографических исследований в самоцель он просто перестает быть политологом и становится историком. В принципе, о том же он должен помнить и в тех случаях, когда заимствует материал из чужих историографических работ, хотя в конкретном плане здесь это выливается в несколько иную задачу, а именно в задачу отбора из материала только того, что относится к описанию феноменов политического бытия (ведь историография фиксирует конкретику социального бытия в целом и потому может поставлять эмпирический материал для всех номотетических социальных наук). Итак, с одной стороны, разделение политологии и историографии уже произошло, и если они еще иногда смешиваются, это не более, чем факты из биографий отдельных ученых; с другой стороны, историография всегда была и, конечно же, всегда будет надежной помощницей политологии, ведь политическая составляющая — необходимый и важнейший элемент человеческой истории.

Что же касается научных дисциплин, с которыми политология до сих пор в той или иной мере слита, здесь проблема отпочкования выступает в своем обычном, классическом виде, и решение этой проблемы требует — кроме осознания ее политологами — их активного участия и, конечно же, времени.

Однако главным препятствием на пути самоопределения политологии, на мой взгляд, все-таки является второе обстоятельство. Верно, за последние полтора-два столетия произошла институционализация как политики, так и политологии. XVIII — XIX века еще могли похвастаться политологами, которые были одновременно и профессиональными политиками. Достаточно назвать прусского короля Фридриха Великого (1712—1786), одного из лидеров партии вигов Э. Бёрка (1729—1797), дипломата, главу департамента просвещения и министерства по сословным делам В. Гумбольдта (1767—1835), лидера консервативной Партии порядка, министра иностранных дел А. Токвиля (1805—1859) и Ф. Тютчева (1803—1873), вошедшего не только в историю поэзии, но и в историю дипломатии (занимал ответственные посты как в зарубежных представительствах, так и в аппарате российского внешнеполитического ведомства)<sup>23</sup>. А вот XX век таких примеров практически не знает (мемуары, которые пишут бывшие или еще функционирующие профессиональные политики, не в счет, поскольку за очень редкими исключениями они принадлежат к чисто историографическому жанру). Теперь политику делают одни люди, а политологию занимаются другие.

К сожалению, однако, эта институционализация не решила проблемы, поскольку в данном случае оказалась по существу формальной; политологические знания не освободились от деформирующего воздействия со стороны политических воззрений. В определенном отношении это аналогично той ситуации, которая, по мнению Гегеля, существовала в развитии историографии, где последовательно сформировались две ее разновидности, которые он называл «первоначальной» и «рефлексивной». Для первой характерно то, что «историки описывали преимущественно протекавшие на их глазах деяния, события и состояния, причем сами они были проникнуты их духом...»<sup>24</sup>. Отсюда делается вывод, что «дух автора и дух тех действий, о которых он повествует, тождественны»<sup>25</sup>. Такой историк «не прибегает к рефлексии потому, что сам духовно сжился с излагаемым им предметом и еще не вышел за его пределы...»<sup>26</sup>. «В древности такие историки непременно должны были быть великими полководцами и государственными людьми...»<sup>27</sup>.

<sup>23</sup> Напомним, что перу Фридриха Великого принадлежит трактат «Анти-Макиавелли», Э. Бёрка — «Размышления о революции во Франции», В. Гумбольдта — «Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства», А. Токвиля — «О демократии в Америке» и «Старый порядок и революция», Ф. Тютчева — «Россия и революция», «Папство и римский вопрос» и др.

<sup>24</sup> Гегель Г. В. Ф. Философия истории. Сочинения. Т. VIII. М.—Л., 1935, с. 3.

<sup>25</sup> Там же, с. 4.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Там же, с. 5.

Иначе обстоит дело в рефлексивной историографии. Здесь историк всегда рефлексивен по поводу описываемых событий, т. е. принципиально отделяет себя от них и рассматривает их со стороны. Это относится не только к событиям прошлого, но и к тем, которые происходят на глазах историка. «При этом главной задачей является обработка исторического материала, к которому историк подходит со своим духом, отличающимся от духа содержания этого материала. В этом случае особенно важны те принципы, которые автор вырабатывает для себя отчасти относительно содержания и цели самих описываемых им действий и событий, отчасти относительно того способа, каким он хочет писать историю»<sup>28</sup>.

Таким образом, фактически получается, что ни в том, ни в другом случае историк не дает вполне объективного, адекватного описания реальности, хотя причины этого в каждом случае свои. В первом историк самолично наблюдает лишь небольшой фрагмент истории, ограниченный жесткими пространственно-временными рамками, и обо всем, что лежит за этими рамками, он вынужден судить по сведениям, предоставляемым другими людьми, причем не обязательно историками. Очевидно, что гарантировать тождественность его духа и духа каждого из этих людей невозможно. Во втором случае объективность исторического знания сомнительна уже в силу того, что оно предварительно пропущено через дух исследователя, никак не зависящий от описываемых событий; «тот тон, который должен быть свойственен индивидууму, принадлежавшему к определенной культуре, часто модифицируется так, что он не соответствует описываемым эпохам, и тот дух, которым проникнут историк, оказывается иным, чем дух этих эпох»<sup>29</sup>.

Если, несколько перефразировав Гегеля, говорить о «первоначальной политологии», мы получим очень похожую картину. Политологи, являвшиеся одновременно и политическими деятелями, отображали и на эмпирическом, и на теоретическом уровнях проводимых ими исследований прежде всего те политические реалии, свидетелями и творцами которых они были. Если же им случалось выходить за эти рамки, истинность приобретаемых таким образом знаний никто не мог гарантировать. Приведем один простой пример. «Имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих,— говорил Макиавелли,— я предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной — в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видывал»<sup>30</sup>. Это — в «Государе». Но вот перед нами его историографическое и одновременно политологическое сочинение «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки». Специалисты утверждают, что в нем действительные факты из жизни этого знаменитого итальянского кондотьера и политика (1281—1328), который служил французскому королю, потом правителям Милана и Вероны, а затем сам стал правителем Лукки, чудовищным образом перемешаны с массой явных вымыслов.

Но в интересующем нас отношении не лучше обстоит дело и с тем, что можно было бы назвать «рефлектирующей политологией». Выясняя причины этого, следует отметить два момента, один из которых, условно говоря, субъективный, другой объективный.

Долгое время практически общепринятым было мнение, будто ученый — это холодный аналитик, абсолютно бесстрастно относящийся к исследуемому объекту. Теперь поняли, что дело обстоит не совсем так и даже совсем не так. Настоящий исследователь — творческий ученый, а не ремесленник — несомненно, проявляет особый интерес к изучаемому объекту, неравнодушен к нему, а порой просто влюблен в него. Настоящий политолог, конечно же, обожает политику. По этой причине, несмотря на то что он не является профессиональным политиком, несмотря на то что он изо всех сил старается рефлексировать, смотреть на политику со стороны, он, как правило, придерживается определенных политических взглядов — тех, что выработаны им самим или выбраны из числа уже существующих в обществе.

<sup>28</sup> Там же, с. 6.

<sup>29</sup> Там же.

<sup>30</sup> Макиавелли Н. Избранные сочинения, с. 344—345.



Теперь о втором моменте, который опять-таки условно можно назвать объективным. В нашей ситуации мы имеем дело с тем случаем, когда и познающая инстанция (наука политологии), и познаваемая (политика) являются формами общественного сознания. Всякая такая форма включает в себя прежде всего некую массу различных феноменов сознания (идеальных образований) — наглядных образов, понятий, положений, норм, максим, принципов и т. д. В относительно развитой форме эта масса не является чем-то абсолютно однородным, аморфным. В ней можно обнаружить некое ядро, составляющее ее квинтэссенцию, и периферию. Такое ядро В. Расторгуев предлагает обозначить общим термином «концепция»; в искусстве концепциями являются эстетические манифесты, в политике — политические платформы, в науке — научные теории<sup>31</sup>. Добавим, что в праве это основы законодательства, в морали — система главных норм и принципов, в религии — «символы веры» (хотя этот термин употребляется лишь применительно к христианству, аналогичные духовные квинтэссенции есть и в других религиях) и т. д.

Таким образом, получается, что конечная цель политолога состоит в том, чтобы в форме научной концепции (политологической теории) отобразить весь мир политического бытия, одним из самых существенных элементов которого является политическая концепция. Коротко говоря, одна концепция должна отобразить другую концепцию. Это, на мой взгляд, и составляет основное объективное обстоятельство, препятствующее различению и разъединению политики и политологии. Конечно, между политологической теорией и политической концепцией есть немало существенных различий. Главное из них состоит в том, что эта (как и вообще всякая научная) теория есть знание, т. е. совокупность, а вернее сказать, система констатирующих положений о политике. Что же касается политической концепции, она является совокупностью (системой) оценивающих и рекомендуемых положений. Так, говоря в «Рассуждениях» о том, что народ лучше государя, Макиавелли делает оценивающее политическое заявление. Основное же содержание «Государя», как я уже говорила, составляют рекомендации монархам, как им поступать в тех или иных случаях, чтобы захватить или удержать, или укрепить, или расширить власть.

Но у политологической теории и политической концепции есть и определенные сходства. Так, они строятся с помощью одних и тех же понятий, выражаются посредством одних и тех же терминов: «государь», «государство», «гражданин», «монархия», «республика», «партия», «социальный слой» и т. д., и т. п. Кроме того и та, и другая обычно состоят из общих положений, представляют собой связанные совокупности таких положений. Понятно, что в подобных условиях человеку, не искушенному в современной методологии науки, бывает трудно отличить политическую концепцию от политологической теории.

В заключение — чтобы завершить разговор на оптимистической ноте — заметим, что рассмотренная ситуация далеко не уникальна, но в той или иной мере возникает, скажем, во всех тех случаях, когда какая-либо форма духовной деятельности становится объектом познания. Она хорошо известна людям, работающим в таких областях исследования, как этика, эстетика и искусствоведение, правоведение, религиоведение, метафилософия и др.<sup>32</sup>.

<sup>31</sup> См. Расторгуев В. Н. Формирование целостного мировоззрения и методы интерпретации научных концепций: единство методологического и педагогического аспектов. Калинин, 1984, с. 54.

<sup>32</sup> Интересно отметить, что проблема различения и разграничения объекта и знания иногда, напротив, возникает в науках, давно родившихся и достигших весьма солидного возраста. Правда, в определенном смысле здесь эта проблема получает противоположный вид. Теперь речь идет уже не о том, как оградить науку от бесконтрольного искажающего влияния на нее со стороны исследуемого объекта, а о том, как оградить этот объект от аналогичного влияния на него со стороны науки (такова проблема неконтролируемого взаимодействия между микрочастицами и прибором в физике XX века), и даже о том, существует ли объект вообще вне и независимо от научного знания о нем (такова возникшая в связи с канторовской теорией множеств проблема существования в математике).